

В 1971 году в нашем районе было большое наводнение: всегда спокойный и вроде бы неопасный Иркут разлился и вышел из берегов, из-за чего серьёзно пострадали сёла, расположенные в пойме. Разлились и большие притоки Иркуты. Были даже человеческие жертвы.

Жители затопленных деревень долго потом рассказывали своим родным и знакомым, как плавали по реке предметы домашнего обихода: шайки (тазы), ведра и железные ванны для полоскания белья. Даже под Иркутском, в месте впадения разлившейся реки в Ангарау, среди прибрежных кустов находили запутавшиеся в ветвях ковры, дорожки, постельное бельё, одежду.

Зато грибов в том годуросло на удивление много, шли они всё лето, один слой за другим, с конца июня по конец сентября. Вот и весь плюс от столь дождливого лета! Дожди лили изо дня в день почти месяц, так что даже бельё не успевало просохнуть на верёвках. Бабушка всё гоняла меня проверять постирушки:

— А сходи-ка, внученька, проверь, высохло уж, поди, бельишко-то наше ай нет?

— Да нет, мозгловатое ещё! — радостно отвечала ей я (мне не хотелось снимать влажное бельё и нести его на гладку).

— Ой, девка, сгниёт оно у нас, однако, нонеча-то на верёвке! — беспокоилась бабуля. — Иди-ка зато пляй лучше печку в бане, будем тама ево сушить.

Выйдя на улицу, снова заперезживала:

— И кавды, скажите-ка, установится ведрена погода? Ужо давно пора картошку тятать, а то денька через три-четыре перерастёт, и тавды уж за неё не ухватиться. Поздно будет!

Словно в ответ на её беспокойство, дня через два установилась солнечная погода, как раз подходящая для окучивания картошки. Обычно мы после окучки картошки на своих двух огородах на выходной ехали «на помочь» родне. Но на сей раз наша помощь им не понадобилась, поскольку семья папиной сестры сильно пострадала от наводнения: их дом оказался залит водой под самую крышу.

Незадолго до того, как пришла «большая вода», во дворах залаяли и завыли собаки, забеспокоились и заметались кошки, завизжали свиньи, замычали коровы. Старожилы, глядя на странное поведение животных, стали припоминать, что раз в сто лет здесь всегда бывает страшное наводнение. Люди полезли на крыши, поволокли с собой скотину — вода поднималась на глазах. Прихватывали самое необходимое — тёплую одежду, кое-что из еды.

Помню, как мы приехали проведать родню уже после того, как спала вода. В экране чёрно-белого телевизора бултыхалась вода, новый шифоньер рассохся и скрипел, как несмазанная телега, диван вообще распозлся по швам и рухнул, когда мы, дети, стали на нём кувыркаться.

Мой двоюродный брат Саша, которому в то злополучное лето исполнилось семь лет, от пережитого даже стал заикаться. В доме сильно пахло сыростью, половицы разбухли и скрипели при каждом шаге. В огороде смыло всю картошку и грядки, нанесло кучи древесного сора.

Правительство позаботилось о пострадавших: были выделены средства на строительство нового и перенос уцелевшего добротного жилья из зоны подтопления, и уже к осени этого же года на высоком правом берегу реки выросла целая улица домов для новосёлов.

На время переезда и хлопот Саша приехал к нам в гости. Мы весело проводили время: ходили на речку, играли с мальчишками в футбол, лапту и «вожигалы». Когда однажды взрослые решили запечь гуся к дню рождения Сашиного отца дяди Алёши и отрубили голову вожаку гусяного стада, всеобщему любимцу Прошке, мы испытали настоящий шок, ведь самый главный гусь нашей семьи был предметом всеобщей ребячьей гордости и обожания.

Прошка был очень умным и храбрым гусем, его боялись едва ли не все окрестные собаки. Когда он мирно гулял во дворе, зорко оглядывая гусяное семейство, мы невольно им любовались. Единственный из всех он был тёмно-серым, с каким-то лиловым отливом на концах крыльев. Большой, с гордо поднятой головой, не спеша вышагивал он по двору, а вся семейка чуть ли не вприпрыжку ковыляла за ним.

Мы гордились красавцем-гусем, когда он, устрашающе шипя и гогоча, похлопывая большими крыльями, подлетал к какому-нибудь чужому псу, имевшему неосторожность появиться вблизи Прошкиного стада. Выгибая шею, быстро нападал и ловко хватал обидчика за лапы, за бока, начинал долбить клювом и крыльями. После чего, как правило, любая собака с визгом убегала подальше.

Одна из них, по кличке Динга, когда гуси были совсем ещё маленькими, всё время норовила схватить и утащить какую-нибудь из птиц. А уж сколько кур она передавила — и не перечесть! Поймает курицу, свернёт ей шею и зароет где-нибудь в огороде. Помню,

как-то раз в конце сентября в земле между выросших кочанов капусты нашли мы закопанные Дингой останки пяти кур.

Всё же однажды Динга умудрилась задавить одного лысого и хромого гуся, очевидно, не самого здорового в стаде, воплощая в жизнь закон естественного отбора. Прощка в тот раз опоздал на выручку, но случая этого не забыл, с тех пор ни на шаг не подпуская Дингу ко двору.

И вот нашего гуся не стало. Мы вытащили из мусорного ведра голову гусака, завернули в платочек и под кустами сирени с плачем похоронили в коробке из-под обуви. Гуся принципиально есть не стали, надулись и стали грубить взрослым, за что нам, конечно же, всыпали по первое число.

Сидя за столом «со шкаликом», взрослые вспоминали пережитые мгновения недавнего наводнения, радовались, что всё самое страшное уже позади. Что дом устоял, уцелели коровы и свиньи. Обдумывали, как побыстрее обустроиться на новом месте.

Выбрав удобный момент, я снова, в который уже раз, пристала к бабушке с просьбой рассказать историю «про русалку», которую Саша ещё не слышал, не думая о том, что ребёнок и без того заикается и плохо засыпает. Бабушка шикнула на меня, но Саша, похоже, тоже заинтересовался этой жутковатой историей.

— Ну да ладно, шемела, разве от тебя отвяжешься! — сказала бабушка. — А ты, Саша, не забоишься? Ну, стало быть, слушайте. Было это очень давно, когда мы с братом были ишо маленькие. За нашей деревней, на отшибе, стоял один дом. Жил в ём дядя Коля Попов, бобыль бобылём. Старый ужо, подслеповатый да глуховатый. Нихто и не знат, не помнит толком, была у ево кавды баба ай нет. Не было, конечно, и робятишек. Родители у ево да-авно померли.

Был он быдто бы не совсем нормальный, времена-ми, кавды луна устанавливалась на ущерб, как говорили старики, дядя Коля дичал. Всё ходил по берегу да в воду глядел, быдто бы искал кого-то. Людей совсем сторонился.

В молодости, говорят, был он парнем красивым, быстрым и ловким. Во всём ему везло! Удачливый был, если шёл на охоту или рыбалку, добывал зверя и рыбы больше всех остальных. Потому-то, стало быть, рыбаки да охотники любили с им кумпанию водить.

Однажды апосля рыбалки на берегу встретилося ему кака-то баушка да попросила рыбки. Уж больно ей свежанькой-то рыбки захотелоса, кавды он полон торок рыбы-то приволок. Ему бы дать ей, што просила, хучь пару-тройку рыбёшак самых ме-елканьких, глядишь, и беды бы этой не случилося с им апосля!

Да токо он как-то шибко уж грубо со старушонкой-то обошёлся, чуть не отпихнул её с дороги, штобы она у ево под ногами не путалася. Мабуть, торопился куда, мабуть ишо кака причина была. «Не путайся ты под ногами, старая, нековды мне сичас рыбу тебе искать!» — только и ответил старушонке.

Та, согнутая, старая, с клюкой, еле-еле ноги передвигат, отвернулася да поковыляла от нево в другу сторону. А сама-то — горе горем! — в рваной телогрейчонке какой-то, платок — дыра на дыре, юбчонка сера, повыцвела совсем, не понять, какой краски раньше-то была, обутки тоже таки же расхристаны. Голь, однем словом, перекатная, голь да нищета!

Ну, стало быть, пришёл Колька с богатым уловом домой, а про старуху-то ту и не вспомнил совсем. Покушали, поужнали всей семьёй, как водится, да и спать легли. Да только с тово времени удача-то от нево быдто бы совсем отошла!

Идёт он на рыбалку с людьми, все ловют рыбку, а он — ну ни одной; на охоте — та же сама история. Стал

он чахнуть да сохнуть не пойми отчего. Сидит как-то да печалится он на берегу, под большой ивой, что прям к самой воде ветки-то пригнула. Досиделся тама чуть ли не до полночи, уж и луна на небе появилась.

То ли задремал он, то ли и впрямь видение-то это наяву случилось, и не знат ужо толком-то. Знат токмо одно, что сначала быдто бы шорох среди веток и листьев над головой услышал, а потом смех вроде как слышался ему. Голову поднял, видит, сидит на стволе ивы девка. Одежа у ей вся так и блестит, так и переливается серебром.

Сидит эта девка да улыбается, подсмеивается над им. Да така красивушша, така баска, што глаз от её не оторвать! Сидит и волоса-то свои длинные, што до самой воды свисают, чешет гребнем. Волосы тоже как серебром горят.

«Русалка!» — токо и успел што подумать он про себя. Испугаться не успел, как соскользнула она с дерева в воду, в реку, стало быть. Плещется, да улыбается ему так ласково-ласково, да рукой к себе манит. Встал тут Колька да и в реку-то к ей и побрёл. Всё вокруг так и сверкат, так и сият серебром, лунная дорожка по реке бежит. Красота — глаз не оторвать!

А русалка отплыват прям на середину реки, туда, где воронки крутит, где быстрое течение. Так и ума-нила бы она ево за собой, а потом утопила бы, запле-ла своими волосами, как верёвкой какой. В старину, сказывали, сколько парней-то холостых так от етой русалки-то погибло!

Да, видать, не пришла ишо тогда ево смерть. Стал он уже было воду глотать, захлёбываться, тонуть. Да только вдруг почему-то вспомнилася ему ево родна-то матушка. Подумалось, как будет она по ём плакать-реветь да убиваться-то. Вспомнил он, и как быдто хто-то из реки ево выталкнул. Отвернулся он от русалки-та да и стал што есть сил к берегу гребсти. Слышит

только смех сзади русалкин: «Што, Николашка, испугался? Ох и трусоват же ты!»

А он знай себе к берегу што есь сил гребёт да назад-то не оглядываются, боится, как бы она снова ево не околдовала да не утопила. Не помнит, как из реки на берег выбрался, как до дому добрёл. Пришёл домой мокруший, вода с ево ручьями льётся, цела лыва под им образовалася, когда он коло печки-то стал греться. Так трясло, так колотило ево, што чуть душу Богу не отдал. Пролежал скоко-то дней в лихорадке, потом вроде как приходить в себя стал. Да тока што-то с им апосля встречи с русалкой-то стало не так.

Стали люди за им замечать, што как токо луна на ущерб направлятсся, он дичат прямо совсем — сидит молчун молчуном, бревно бревном, бесчувственный какой-то, народишку сторонитсся, всё на том месте, где русалку повстречал, сидит часами.

Вот, паря-девка, кака беда с им случилася. Надо, стал быть, никавды не отказывать, коли тебя просят об чём. Што, жалко рыбки было нищей старухе дать? Никавды не отказывайте, давайте людям, што у вас просят. Да и што у реки болтаться по ночам, там, где нечиста сила всяка водитсся? Нельзя в таких местах одному шарахаться, нельзя на росстанях (перекрёстках дорог) што-то с земли подымать. Там колдуны всяку бяку бросают, честных людей портют. Запомнили? Вот и ладно, вот и ладно. Идите-ка ужо, робятки, спать вам ужо пора!

Как ни странно, но обычно трусоватый Саша после этой жуткой истории на ночь заснул довольно быстро и легко, а вот ко мне сон долго не шёл. Всё мне мерещилось, как по лунной реке плывёт красавица-русалка, как парень гребёт от неё что есь сил к берегу...